

Научная статья
УДК 81.42
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-4-39-129
EDN: RQEFQO

Речевой акт лжи в аспекте категории когерентности в русском языке

Алексей Владимирович Глазков

Кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой дискурсивных практик, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 119571, г. Москва, пр. Вернадского, д. 82
alexey.glazkow@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9115-6745>

Аннотация. В статье рассмотрена система когерентных отношений в речевом акте лжи. Логико-коммуникативный подход, реализованный в исследовании, позволяет сконцентрировать внимание не семантике и прагматике ложных сообщений, на механизме реализации цели лжеца – не дать адресату обнаружить, что сообщение ложно. Показано, что направления соответствия ложного высказывания «от слова к миру» не отражает реальное положение вещей, а создает некую виртуальную, модально контрастную систему, необходимую для достижения коммуникативной задачи лжи. Выявлено внутреннее отсутствие когерентности в системе сообщения, содержащего ложь. Противопоставлены два типа когерентных отношений в ложном сообщении: расщепление и разветвление. Первый тип означает, что на входе и выходе ложного сообщения находятся когерентные предложения, позволяющие скрыть ложь. Второй тип означает отсутствие такого предложения, что приводит к нарушению речевого акта лжи: ложь в таком случае может быть вскрыта. Анализ когерентной структуры составляет основу внутреннего механизма восприятия высказывания, позволяющего отделить истинное от ложного. Обнаружение такого механизма дает возможность утверждать, что ложь не следует рассматривать как нарушение Принципа Кооперации. В завершение статьи рассмотрены два кейса. Анализ когерентности в кейсах основан на методике анализа текстуальных групп – произвольных последовательностей предложений, к которым применяется параметры текстуального анализа. Главной задачей методики является определение характера связей между предложениями. В Кейсе 1 проанализирована внутритекстовая некогерентная текстуальная группа, созданная автором при использовании метода доказательства от противного. В Кейсе 2 представлена система некогерентных текстуальных групп на примере сопоставления продающего текста и отзывов клиентов.

Ключевые слова: когерентность; речевой акт; ложь; текстуальность; направление соответствия; интенциональное состояние; семантика; прагматика

Для цитирования: Глазков А. Г. Речевой акт лжи в аспекте категории когерентности в русском языке // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 4 (39). С. 129–138. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-129>. <https://elibrary.ru/RQEFQO>

Original article

The speech act of lying in the aspect of the coherence category in the russian language

Alexey V. Glazkov

Candidate of philological sciences, associate professor, head of the department of discursive practices, Russian Presidential academy of national economy and public service. 119571, Moscow, Vernadsky pr., 82
alexey.glazkow@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9115-6745>

Abstract. The article considers the system of coherent relations in the lying speech act. The logical-communicative approach used in the study helps to focus on the semantics and pragmatics of false messages, on the mechanism of realizing the liar's goal which is to prevent the addressee from discovering that the message is false. The author shows that the false statement compliance directions «from word to the world» do not reflect the real state of affairs, but create a certain virtual, modally contrastive system necessary to achieve the communicative goal of lying. There is an intrinsic lack of coherence in the system of a message containing lies. The article contrasts two types of coherent relations in a false message: splitting and branching. The first type means that there are coherent sentences at the input and output of the false message that can hide the lie. The second type means the absence of such a sentence, which leads to breaking the speech act of lying: the lie in such a case can be revealed. The analysis of the coherent structure underlies the inter-

nal mechanism of the statement perception, which helps to separate the truth from the lie. The discovery of such a mechanism suggests that a lie should not be regarded as a violation of the Principle of Cooperation. The article concludes with two case studies. Coherence analysis in the cases is based on the methodology of analyzing textual groups - arbitrary sequences of sentences to which textual analysis parameters are applied. The main objective of the methodology is to determine the nature of the relationship between the sentences. Case 1 discusses a non-coherent textual group created by the author using the opposite proof method. Case 2 considers a system of non-coherent textual groups using the example of comparing the selling text and the customers feedback.

Key words: coherence; speech act; a lie; textuality; direction of compliance; intentional state; semantics; pragmatics

For citation: Glazkov A. G. The speech act of lying in the aspect of the coherence category in the Russian language. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2024;(4):129–138. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-129>. <https://elibrary.ru/RQEFQO>

Введение

Настоящее исследование посвящено анализу соотношения двух категорий: категории лжи и категории когерентности. И одна, и другая имеют глубокую историю изучения, однако вопрос о том, насколько когерентно ложное высказывание, остался, как видится, без внимания. Возможно, причина заключается в том, что когерентность часто рассматривается как некоторое свойство дискурса, который им обладает или к нему бесконечно приближается (например, М. Л. Макаров указал, что «когеренция проявляется во взаимодействии стратегий, в „удачно разыгранном” диалоге, в котором все ходы участников соответствуют их общим, глобальным целям» [Макаров, 2003, с. 195–196]). Такой подход не требует постановки проблемы об отсутствии когерентности в дискурсе или о ее градуальном характере. Однако в последнее время особенно при изучении дискурсов (особенно в медиасреде) приводит к обнаружению отсутствия строгой цельности (как это отметила Л. В. Селезнева в отношении PR-дискурса [Селезнева, 2016]), а следовательно, и когерентности.

В настоящем исследовании мы понимаем под когерентностью категорию текстуальности, позволяющую установить непротиворечивость текстуальной группы – произвольного множества предложений. Мы отстаиваем идею, что непротиворечивость дискурса как его свойство есть следствие логической consistency предложений в рассматриваемой текстуальной группе.

К наиболее значимым исследованиям в области лжи отнесем коллективный труд «Логический анализ языка. Между ложью и фантазией» [Логический анализ языка, 2008], работы таких зарубежных исследователей, как Майбауэр [Meibauer, 2014], В. Худы [Chudy, 2003]. Важными для российской науки являются работы А. В. Ленец [Ленец, 2010, 2013, 2016], где рассмотрены языковые характеристики лжи на материале немецкого языка.

Настоящая статья, объектом которой является речевой акт лжи, ставит своей целью рассмотрение ложного высказывания в логико-

коммуникативном аспекте. Мы намерены показать семантико-прагматическую структуру сообщения, содержащего интенцию лжи, и установить специфику отношений когерентности между предложениями, образующими такое сообщение.

Ложь как речевой акт

Рассмотрим тривиальный случай лжи: автор сообщает адресату некоторую информацию, которая является заведомо ложной. Например, отвечая маме на телефонный звонок сидящая в кафе студентка сообщает:

(1) *Мама, я на паре.*

Сопоставим это высказывание с высказыванием, являющимся правдивым:

(2) *Мама, я в кафе.*

С одной стороны, оба высказывания представляют собой репрезентативные, или ассертивные, речевые акты, когда говорящий сообщает о некотором фрагменте реальности. Различие, как, например, указывает А. В. Ленец, в том, что в (1) особенность ассертива состоит «в ложной ответственности отправителя за сообщение / утверждение» [Ленец, 2013, 87], в (2), соответственно, этого нет. Ложное высказывание подавляет некоторые принципы кооперации [Ленец, 2016]. Соглашаясь с данной точкой зрения, обратим внимание еще на одну существенную категорию в теории речевых актов – на категорию *направления соответствия*, описанную еще Дж. Остином [Austin, 1953]. Направление соответствия устанавливается, исходя из того, фиксирует сообщение некоторого положения дел реальности или, наоборот, сообщение призвано формировать некоторое положение дел реальности. Соответственно, первое отражает модель «мир → слово», а второе – «слово → мир» [Yule, 1996, p. 55]. Репрезентатив как речевой акт отвечает направлению соответствия «мир → слово», что вполне соответствует предложению (2), отражающему действительное положение дел. Предложение (1), напротив, отвечает модели «слово → мир», так как автор сообщения описывает некоторую ситуацию, которая отсут-

ствуется в нашем возможном мире. Модель «мир → слово» создает определенные ограничения для автора сообщения, связанные с тем, каким является окружающий мир. Если девушка находится в кафе, а не в университете, то она имеет некоторую парадигму возможных предложений, которыми эта ситуация может быть представлена. Эта парадигма бесконечна, так как невозможно представить исчерпывающее множество таких предложений, но она ограничена в том смысле, что существуют не входящие в нее предложения, которые и составляют бесконечное множество ложных сообщений. Если понимать под словом *мир* наш возможный мир, то граница между нашим возможным миром и другими мирами, где девушка находится на паре в университете, и есть граница между истинным и ложным. Однако этот мир не влияет на девушку, так как она сама создает его в своем высказывании, а тогда возникает вопрос, является ли предложение (2) репрезентативом и отвечает ли модели «слово → мир».

Разрабатывая теорию речевых актов, Дж. Сёрль предложил использовать еще одно понятие – интенциональное состояние. Трактую интенциональность как направленность «на объекты и положение дел внешнего мира» [Сёрль, 1987, с. 96], Сёрль выделил целое множество интенциональных состояний, таких, как вера, страх, надежда, желание, любовь, ненависть и т. д. – он указал, что приведенный им список является неполным [Сёрль, 1987, с. 99]. Все они должны иметь объект, должны быть о чем-то. Поэтому, кстати, в английском языке наряду со словом *intentionality* используется термин *aboutness* (ср. [Yablo, 2014]). Таким образом, интенциональность – это категория, которая делит мир на субъект и объект, причем объект ставится в зависимость от субъекта. В выражениях типа *Я уверен, что P* или *Я сомневаюсь, что P* говорящий берет на себя ответственность за то, что сказано. Он указывает, что созданный им образ реальности X поставлен в зависимость от того, как ему реальность видится. Можно ли ложь рассматривать как интенциональное состояние? В списке Сёрля имеется состояние *фантазия*. Это значит, что, когда некто фантазирует, выдумывает нечто, выдумка становится объектом его состояния. Вполне может иметь место высказывание *Я выдумал то, что*. Однако высказывание *Я обманываю, говоря, что* невозможно, так как в этом случае ложь сразу перестанет быть ложью. Ложь точно так же имеет объект – сообщение, в которое должен поверить адресат и которое никаким образом не должно быть маркировано как ложь, хотя сам автор знает,

что он лжет. Ощущение лжи, обмана существует в ментальном мире человека. Один лжет легче, другой испытывает угрызения совести, но во всех случаях говорение лжи, «обманывание» – особое интенциональное состояние человека, имеющее свою языковую корреляцию. В таком случае ложь как речевой акт имеет под собой интенциональное состояние обмана и интенцию транслировать ложное сообщение, причем оно должно быть так «упаковано», чтобы адресат не распознал лжи. Очевидно, в этом заключается один из компонентов иллюкутивной силы высказывания. Тогда можно сказать, что имеет место не собственно репрезентатив, а имитация репрезентатива, не нарушающая Принцип Кооперации, а представляющая собой один из видов кооперации, когда адресат ставит / не ставит под сомнение содержание сообщения.

Несмотря на то, что правда оказывается немаркированным членом оппозиции «правда – ложь» (в ряде языков, в том числе в русском, отсутствует специальный глагол, обозначающий, что человек говорит правду; В. Худы также указывал, что в польском языке можно увидеть отглагольное существительное *prawdomówienie*, хотя отсутствует глагол **prawdomówić*), в сознании человека существует особый инференциональный механизм верификации, ставящий под сомнение истинность сообщения. В русском языке это называется словом *доверчивость*: доверчивый человек – тот у которого этот механизм ослаблен, у недоверчивого он, напротив, постоянно активен. Задача лгущего – усыпить бдительность недоверчивого человека и создать у того ощущение получения истинной информации. Такова перлюкутивная составляющая речевого акта. Тому, как этого добиться, мы и посвящаем основную часть нашего исследования.

Семантическое и прагматическое содержание лжи в аспекте когерентности

Ложное сообщение, если оно имеет интенцию обмана, сложнее по содержанию, чем истинное сообщение. Кроме передаваемого, оно должно иметь другое, истинное значение, точнее – то, которое автор считает истинным. Пусть предложение содержит некоторую пропозицию, которую автор считает ложной, обозначим ее через p_F . Тогда должно существовать некоторое непустое множество $\neg p_F = p_T$, такое, что любая пропозиция $p_n \in p_T$ несовместима с p_F . Данное условие является достаточным и необходимым. Действительно, если p_T пусто, то выраженная пропозиция будет единственной, а следовательно, не может быть ложной по интенции говорящего. От противного

доказано достаточное условие. Необходимость доказывается тем, что существование любой истинной пропозиции, несовместимой с p_F , делает последнюю ложной.

Данная модель ложного высказывания имеет в своем составе интенцию автора, намеренного сообщить ложь. Что касается инференциональной модели, то окажется, что коммуникация будет успешной (для автора), если адресат не вскрыет интенцию лжи. И если он не вскрыет ее никогда, то с его точки зрения он не будет иметь оснований утверждать, что он был обманут. И для него семантическая и прагматическая структура принятого сообщения ничем не будет отличаться от обычного репрезентатива, когда автор сообщает истинную (по его мнению) информацию.

Возникает вопрос, как распознается ложная информация. В своем диссертационном исследовании А. В. Ленец (на материале немецкого языка) выявила речевые маркеры, способные свидетельствовать о том, что сообщение содержит ложь [Ленец, 2010]. Имеется целый ряд работ из области психологии, криминалистики, которые также позволяют обнаружить маркеры ложного высказывания. Однако представим себе, что такие маркеры отсутствуют, и зададимся вопросом, каким образом можно установить ложность. Если сформулировать задачу в общем виде – какова дискурсивная природа ложного сообщения, каково его место в дискурсивной практике?

Семантическая сложность ложного высказывания требует выделения в нем семантического (непосредственно вытекающего из лексической и грамматической структуры предложения) и прагматического компонентов. Очевидно, что ложная пропозиция не может относиться к семантическому компоненту, она лежит в области прагматики и оказывается сродни имплицатуре. Еще П. Грайс в статье «Логика и речевое общение» [Grice, 1989] выделил три типа имплицатур: конвенциональные (вытекающие непосредственно из значения предложения и, прежде всего, его культурной составляющей), общие разговорные (вытекающие из логики построения высказывания) и частные разговорные имплицатуры (вытекающие из ситуации общения). Впоследствии в прагматике теория имплицатур Грайса испытала серьезные преобразования (отметим работы Л. Хорна [Horn, 2004] и С. Левинсона [Levinson, 1983], которые делали акцент на логическом аспекте изучения высказывания, а поэтому во главу угла ставили общие разговорные имплицатуры; работу К. Баха, который, ссылаясь на оговорку Грайса, отказал конвенциональным имплицатурам в праг-

матическом статусе, переводя их в область «Что сказано?», то есть семантики [Bach, 1999, p. 365]). Однако описание Грайсом частных разговорных имплицатур осталось в целом актуальным по настоящее время, и в большинстве работ сам термин «имплицатура» ассоциируется именно с этим типом. Если считать, что ложная составляющая значения предложения имеет прагматический характер (что и отмечает в своих исследованиях А. В. Ленец), то искать его надо именно в области частной разговорной имплицатуры. Это, в свою очередь, означает, что ложное высказывание существует как ложное только в процессе коммуникации и не имеет некоторой внутренней ложности. Даже если на клетке со слонем написано «Буйвол», сама по себе надпись «Буйвол» не ложна: ее ложность следует из того, что видящий слона в клетке ожидает надписи «Слон», а тем самым ложность проявляется в конфликте двух сообщений. Коммуникативный конфликт, формирующий ложность высказывания, должен быть скрыт в речевом акте лжи. Таким образом, между автором и адресатом идет постоянная игра, когда первый скрывает ложь, а второй ее распознает и разоблачает. Далее дадим описание такой системы с использованием категории когерентности.

Когерентный подход к анализу лжи

Под **когерентностью** в настоящем исследовании понимается категория текстуальности, позволяющая определить непротиворечивость последовательности предложений (текстуальной группы). Текстуальная группа признается когерентной, если противоречия между предложениями отсутствуют или все противоречия разрешаются внутри текстуальной группы. Данное условие обеспечивает когерентность дискурса как его свойство [Макаров, 2003] и позволяет провести формальный анализ когерентности.

Когерентными будут следующие текстуальные группы.

(3) /1/ *Анны нет дома.* /2/ *Анна в кафе.*

(4) /1/ *Анна в кафе.* /2/ *Кофе стынет.*

(5) /1/ *Анна в кафе.* /2/ *Потом она пойдет на парку.*

В (3) предложение /1/ отрицательное, оно семантически сложнее утвердительного, поскольку содержит в себе как буквальное значение, так и значение любой пропозиции, способной указать местонахождение Анны за пределами дома.

В (4) когерентность обеспечивается тем, что предложение /1/ выражает общую ситуацию, для которой ситуация остывания кофе (предложение /2/) является частной – включается в нее.

В (5) предложения представляют собой последовательность ситуаций (в ситуационной семантике был дан термин «цепочка событий» [Barwise, Perry, 1999, p. 56]). Когерентность предложений в группе создается за счет того, что ситуации тривиально могут следовать одна за другой, в их последовательности нет нарушения обыденной сменности событий.

Некогерентными являются группы, в которых содержатся семантические противоречия, не разрешенные внутри группы.

(6) /1/ Анна дома. /2/ Анны нет дома.

(7) /1/ Анна в кафе. /2/ Анна на паре.

Группы (6) и (7) некогерентны при условии когерентности объектов (речь идет об одной и той же Анне) и совпадении времен ситуаций. Если же будет указание, что ситуации предложений из (6) имеют разные временные характеристики, то есть

на временном интервале₁ Анна была дома, а на интервале₂ ее дома не было, когерентность группы не нарушена. При тех же условиях либо при условии, что речь идет о разных девушках по имени Анна, когерентной может быть и группа (7).

Чтобы перейти к рассмотрению вопроса о речевом акте лжи, проанализируем когерентность одной из групп более подробно и снова обратимся к примеру (5), где предложение /1/ имплицитно имеет в своей семантической структуре множество пропозиций, более точно определяющих местонахождение Анны. При условии тождества любой из данных пропозиций с выраженной или невыраженной пропозицией другого предложения создается эффект когерентности предложений в группе. При этом неважно, из какого числа предложений будет состоять группа. Рассмотрим схему.

Рисунок 1. Система когерентности текстуальных групп с отрицательным предложением

Мы выделили 3 ступени пропозиций: P1 – это основная пропозиция, указывающая на отсутствие Анны дома; пропозиции ступени P2 обозначают, где находится Анна; пропозиции ступени P3 обозначают, что делает Анна в указанном месте. Каждое из предложений, выражающих пропозиции уровня P2, будет когерентно предложению /1/, если не учитывать интенцию автора, желающего сказать правду или солгать. При этом предложения, выражающие пропозиции ступени P3, когерентны только одному из предложений, выражающих пропозицию ступени P2. В общем виде скажем, что когерентны могут быть только цепочки вида P2n – P3n. Тогда если некоторая цепочка

P2k – P3k истинна, то все остальные выражают ложь.

Добавим еще одно предложение *Анна вернулась домой* на ступени P4. Оно когерентно с первым предложением группы, если времена τ_{P1} и τ_{P4} различаются так, что второе позже первого. Соблюдение данного условия приводит к тому, что указанные предложения когерентны, независимо от того, были ли когерентны предложения, выражающие пропозиции ступеней P2 и P3 и выражают ли все возможные предложения ложь или истину. Это видно на схеме, поскольку все представленные различные ситуации сводятся к одной.

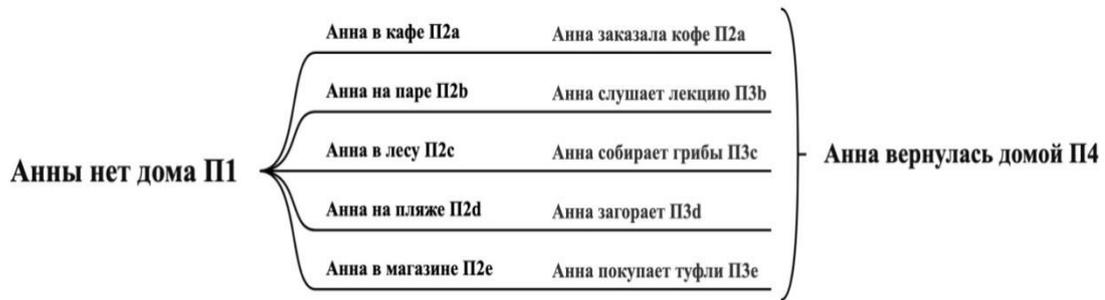

Рисунок 2. Схема когерентности текстуальных групп с расщеплением реальности

Такую схему мы называем расщеплением реальности и определяем как «существование некогерентных кореферентных ситуаций» [Глазков, 2018, с. 125]. Для расщепления реальности характерно наличие двух точек: точки расхождения и точки схождения, между которыми располагаются

взаимно некогерентные предложения, которые и создают расщепления реальности.

Добавим в систему групп еще одно предложение: *Анна навсегда уехала в Питер*, которое займет свою позицию на ступени 2.

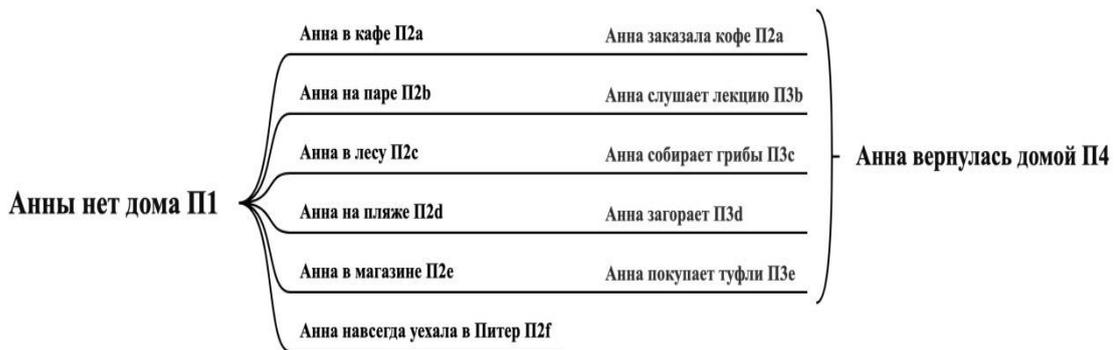

Рисунок 3. Схема когерентности текстуальных групп с разветвлением реальности

Очевидно, что для этого предложения нет точки схождения с другими предложениями из системы. В данном случае получим систему разветвления, где хотя бы одно предложение не сходится с остальными и не имеет с ними общего развития. Если развитие вообще невозможно, то будем говорить о когерентном тупике. Схемы с разветвлением и расщеплением в приложении к анализу высказываний о будущем представлены в недавнем исследовании Ф. Кариани [Cariani, 2021, p. 21–31].

Пусть в системе расщепления реальности истинной является цепочка *a*, то есть Анна находится в кафе и заказывает кофе. Пусть эксплицитной,

то есть имеющей реальное сообщение, будет цепочка *b*. Остальные цепочки оказываются гипотетическими и могут не приниматься в расчет. Пусть автор ставит своей задачей передачу такого ложного сообщения, которое не должно быть верифицировано. Естественно, что в этом случае она должна, во-первых, максимально быстро достичь точки схождения и, во-вторых, добиться когерентности в зоне расщепления реальности. Это очевидно. Из сказанного следуют максимы «идеальной» лжи – такой, которая не верифицируется.

1. Ложное сообщение должно иметь точку схождения с истинным.

2. Ложное сообщение не должно быть когерентным тупиком.

3. Ложное сообщение должно быть внутренне когерентным.

Прокомментируем каждую максиму.

Максима 1 достаточно очевидна. Ее нарушение приведет к тому, что перлокутивный эффект речевого акта не будет достигнут.

Максима 2 представляет собой следствие из Максимы 1, но, как было показано, не синонимична ей. Наличие когерентного тупика фактически означает, что когерентного развития текстуальной группы не существует. Когерентным тупиком является конечное предложение в доказательстве от противного, часто используемом в строгих системах аргументации, например в математике или логике. Такое предложение должно стать некогерентным исходному, откуда начиналось расщепление реальности, так что продолжение текстуальной группы окажется бессмысленным. Примером является разобранный далее Кейс 1.

Максима 3. Ложное сообщение, как и истинное, не должно иметь внутренних противоречий. Внутренняя непротиворечивость текстуальной группы, находящейся в зоне расщепления реальности, более требовательна, чем непротиворечивость текстуальной группы, представляющей истинность. Когерентность текстуальной группы складывается на основе нескольких факторов: 1) линейные связи внутри текстуальной группы (обычно влияние распространяется слева направо); 2) виртуальные линейные связи с другими текстами (что описано в рамках интертекстуальности, если установка связей входит в интенцию автора, и синтекстуальности, если связи возникают случайно – о термине *синтекстуальность* см. [Глазков, 2018, с. 213 и далее]; 3) когнитивные факторы: общее знание, общее окружение; 4) информация, не требующаяся для создания когерентности текстуальной группы – своего рода стоп-лист, где находится избыточная информация. Данная система описана нами как *пирамида когерентности* (см.: [Глазков, 2023]). Для речевого акта лжи очень важно учитывать внешние факторы, что часто связывают с понятием *правдоподобия*, определяемым как «обобщенное представление о подлинности чего-либо» [Елькина, 2019, с. 116]. А. Т. Грязнова связывает правдоподобие с убедительностью, рассматривая фэнтезийный дискурс [Грязнова, 2018, с. 119]. Ложь тоже должна быть убедительной, хотя от фэнтези ее отделяет то, что эта убедительность строится на такой модальной системе, которая должны быть максимально подобна истинной в данном возможном

мире. Например, если в предложенную систему добавить предложение *Анна на Марсе*, это лишило бы ее всей правдоподобности, потому что нахождение человека на Марсе возможно либо в рамках научного, либо в рамках художественного дискурса, а ложь – принадлежность бытового, правового, журналистского, политического дискурсов. Ложь должна создать такой отличающийся модальностью от истинного конструкт, который мог бы существовать в нашем возможном мире. Е. А. Глазкова указывает, что «использовать термин „правдоподобие” уместно тогда, когда нет возможности проверить достоверность информации, но есть ощущение, что описанное возможно в реальности» [Глазкова, 2018, с. 60]. Для логического анализа существенно показать, на основании чего такое ощущение может возникнуть, именно поэтому мы и предлагаем когерентностную модель лжи.

Можно заметить, что противопоставление «ложь – истина» имеет континуальный, градуальный характер. Специфика этих отношений состоит в том, что у ложного высказывания отсутствует градуатор – «специальное языковое (вербальное) средство, повышающее или понижающее степень проявления признака» [Колесникова, 2016, с. 33]. Оно может маркировать ложное высказывание только в сообщении адресата лжи, распознавшего ложь.

Итак, мы приходим к выводу, что ложное сообщение – это продукт расщепления реальности, при котором создается когерентная текстуальная группа, модально противоречащая истинной текстуальной группе, непременно имеющая точку схождения с истинной и обладающая правдоподобием.

Далее будут представлены примеры анализа некоторых типов ложных сообщений.

Кейс 1. Внутритекстовая некогерентная текстуальная группа

Покажем данный тип лжи на примере доказательства от противного.

Суть доказательства от противного состоит в том, что в доказательство вводится намеренно ложное суждение, которое приводит к противоречию и доказательству исходного тезиса согласно закону о непротиворечии. С точки зрения теории текста это означает то, что в текст внедрена некогерентная текстуальная группа, причем в ходе доказательства оказывается, что отсутствуют механизмы приведения ее к когерентной текстуальной группе. В качестве примера возьмем доказательство следствия из леммы о количестве ребер в дереве с n вершинами, относящейся к теории графов.

/1/ Дерево с более чем одной вершиной имеет не менее двух висячих вершин.

/2/ Доказательство. /3/ Если в дереве T не более одной висячей вершины, то остальные имеют степень хотя бы 2 и сумма степеней вершин не менее, чем $2v(T) - 1$. /4/ Однако она же равна $2e(G) = 2v(G) - 2$ по пункту 1 леммы 1.5, противоречие [Карпов, 2022, с. 26].

Противоречие возникает между предложениями /1/ и /3/, /4/. В /1/ сообщается, что дерево с двумя и более вершинами может иметь не менее двух висячих вершин, то есть таких вершин, степень связности которых равна единице (граф не имеет продолжения на этих вершинах). Примером такого графа могут быть синтаксические деревья в генеративном синтаксисе. В предложении /3/ содержится описание такого графа, который, по сути, не может существовать. Его можно представить себе в виде незамкнутой геометрической конструкции, состоящей из нескольких соединенных отрезков. Каждый из них, кроме одного, соединяется с двумя другими. Один – соединен только с одним отрезком. Простое воображение приводит к мысли, что это невозможно. Однако очевидность в данном случае может быть доказана, и автор апеллирует к тому, как должна вычисляться сумма степеней вершин, если бы такой граф существовал. В предложении /4/ он приводит то же вычисление, но с учетом доказанной ранее леммы о том, что количество вершин в дереве на единицу меньше количества ребер. Для графа с более чем одной вершиной степень должна быть на 2 меньше количества ребер, то есть должны быть хотя бы две висячие вершины, что делает предложение /4/ некогерентным предложению /3/, а поскольку предложение /3/ некогерентно предложению /1/, выстраивается когерентная группа /1-2-4/, а предложение /3/ может быть исключено. Тем самым, предложения /3/ и /4/ представляют собой разветвление, так как точки схождения для предложений /3/ и /4/ нет.

Кейс 2. Межтекстовая некогерентная текстуальная группа

Можно было бы показать такую группу на примере фейковых новостей, однако такие кейсы часто разбираются, поэтому мы предложим показать ложное сообщение на примере продающего текста. Для этого возьмем фрагмент описания гостиницы, размещенной на сайте-агрегаторе.

/1/ Имеется бесплатная частная парковка.

Сравним это сообщение с отзывами клиентов.

/2/ Парковка была занята, пришлось оставлять машину на улице.

/3/ Парковка всего на 4 машины, искали ближайшую платную.

/4/ На парковку не рассчитывайте, там всегда стоят одни и те же машины, возможно, работников отеля.

Группа предложений /1, 2/ вполне может быть представлена как когерентная: клиенту не повезло. Группа /1, 3/ выглядит иначе: клиент указывает на размер парковки, что не было сообщено автором продающего текста. Имплицитно из предложения выводится, что эти клиенты не смогли оставить свой автомобиль на парковке отеля. Группа /1, 4/ уличает автора текста во лжи, так как, согласно мнению клиента, парковка возле отеля имеет совсем иной характер. Этот клиент тоже не смог воспользоваться данной парковкой. Следовательно, имеется когерентная группа из предложений /2, 3, 4/ и имплицитное расширение предложения /1/, которое можно составить из двух некогерентных предложений:

/1'F/ Клиент может оставить свой автомобиль на частной парковке отеля.

/1'T/ Клиент не может оставить свой автомобиль на частной парковке отеля.

Судя по отзывам клиентов, истинным является второе сообщение, а первое, привлекающее возможных гостей, является ложным. Возникает вопрос, рассматривать ли группу /1'F, 1'T/ как расщепление или разветвление. Владельцы отеля отвечают одному из клиентов на его замечание.

/5/ Нам очень жаль, что Вы не смогли припарковать Ваш автомобиль в связи с наплывом проживающих. /6/ Надеемся, что в следующий приезд Вы сможете ей воспользоваться.

Предложение /5/ вполне вписывается в когерентную группу /1, 2, 3, 5/, однако предложение /4/ остается за ее пределами, потому что в ней содержится противоречие: автомобили принадлежат гостям / работникам отеля. В таком случае мы можем структуру данной текстуальной группы представить в таком виде:

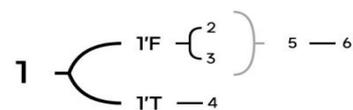

Рисунок 4. Схема когерентных отношений Кейса 2

Таким образом, видно, что расщепление реальности имеет место только в одной группе. Поскольку владелец отеля никак не комментирует сообщение, содержащееся в предложении /4/, оно не приобретает точки схождения с оставшимися предложениями группы и иллюстрирует разветв-

ление, что, скорее всего, делает высказывание о наличии частной парковки в отеле ложным.

Вывод

Итак, мы приходим к выводу, что ложь – это особая система когерентных отношений, в которой на входе, на этапе формирования авторской интенции, содержатся некогерентные предложения, одно из которых автор считает истинным. Далее система развивается по модели расщепления или разветвления реальности, чтобы на выходе, в точке схождения, образовать когерентную текстуальную группу с исходным предложением (при расщеплении – речевой акт лжи состоялся) или образовать тупик (при разветвлении – речевой акт лжи не удался). Поскольку ложь формируется по направлению соответствия «от слова к миру», ложное и истинное представляют собой сложную модальную систему, где модальность одного возможного мира противоречит модальности другого возможного мира.

В связи с этим остается вопрос, следует ли в данном случае говорить о нарушении принципа кооперации? Нарушает ли лжец максимум качества, запрещающую говорить то, что он считает ложным? Любопытным для решения этого вопроса оказывается недавнее исследование «Плохой язык» («BadLanguage») Г. Каппелена и Дж. Девера [Cappelen, Dever, 2019], в котором ставится под сомнение действенность Принципа Кооперации П. Грайса. Еще С. Левинсон называл теорию Грайса «философским раем», имея в виду идеальный характер содержащихся в ней максим. Исследование Г. Каппелена и Дж. Девера точно так же выводит речевую коммуникацию из идеального мира. В главе, посвященной проблеме лжи, авторы показывают, что пространство между ложью (lying) и заблуждением (misleading) не пусто, что провести строгую границу между этими процессами невозможно как из-за нечеткости человеческих интенций, так и из-за нестрогости языковых значений.

Мы полагаем, что ложь как речевой акт имеет иной механизм, чем нарушение максимы качества. Если учитывать нестрогость границы между ложью, заблуждением и неточным выражением мысли, то следует ввести в процесс коммуникации наличие постоянно действующего у реципиента механизма верификации получаемого сообщения. А тогда кооперация означает не только совместную деятельность ради оптимального обмена информацией, а еще и постоянную верификацию получаемых сообщений, то есть ожидания, что пришедшее к адресату сообщение может быть ложным, неточным и т. д.

Поскольку мы сказали в начале статьи, что решаем проблему в аспекте логического анализа, покажем, в чем состоит содержательная суть механизма верификации. Мы полагаем, что модель такого механизма должна строиться на основе модальной многослойности речевого сообщения. Ложное сообщение обязательно содержит в себе более одной модальности. Каждый такой слой, что было показано нами, когерентен или, по крайней мере, должен быть когерентен. Верификация сводится в сомнении в когерентности между слоями и поиску отсутствия когерентности в том слое, который содержит потенциально (или предположительно) ложную информацию. Собственно верификация есть построение когерентной системы высказывания, которая адресату видится такой, так как должна быть консистентной в системе того возможного мира, относительно которого механизм верификации запущен.

Библиографический список

1. Глазков А. В. Из реальности в текст и обратно: Очерк прагматики нарративного текста. Москва: Де'Либри, 2018. 436 с.
2. Глазков А. В. Пирамида когерентности // Вестник Череповецкого гос. ун-та. 2023. № 4 (115). С. 39–50.
3. Глазкова Е. А. Правдоподобие как игра: анализ кейса «Барнаульский метрополитен» // Правда – неправда – простправда. Сборник научных трудов проекта NOTONLY. NOTONLY 2018: Теория и практика гуманитарных исследований. Москва, 2018. С. 59–98.
4. Грязнова А. Т. Языковые средства достижения эффекта правдоподобия в прозе русского фэнтези // Правда – неправда – простправда. Сборник научных трудов проекта NOTONLY. NOTONLY 2018: Теория и практика гуманитарных исследований. Москва, 2018. С. 116–133.
5. Елькина Д. С. Правдоподобие как универсальная классифицирующая категория // StudiaLinguistica (Санкт-Петербург). 2019. № 28. С. 116–120.
6. Колесникова С. М. Градуальность: связи и отношения в системе русского языка. Москва: ФЛИНТА, 2018. 231 с.
7. Ленец А. В. Коммуникативный феномен лжи: лингвистический и семиотический аспекты (на материале немецкого языка). Ростов-на-Дону, 2010. 39 с.
8. Ленец А. В. Прагмалингвистическая теория лжи // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2013. №1(22). С. 86–90.
9. Ленец А. В. Ложь в коммуникации как нарушение прагматических правил принципа кооперации // Верхневолжский филологический вестник. 2016. № 4. С. 105–108.
10. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. Москва: Гнозис, 2003. 280 с.
11. Серль Дж. Природа интенциональных состояний // Философия, логика язык. Москва: Прогресс, 1987. С. 96–126.

12. Селезнева Л. В. Парадокс целостности PR-дискурса // Дискурс-Пи. 2016. № 3–4. С. 102–109.
13. Austin J. L. How to Talk? // Proceedings of the Aristotelian Society. New Series. Vol. 53. 1952–1953. P. 227–246.
14. Bach K. The Myth of Conventional Implicature // Linguistics and Philosophy. 1999. № 22. P. 327–366.
15. Barwise J., Perry J. Situations and Attitudes. Stanford : CSLI Publications, 1999. 376 p.
16. Cappelen H., Dever J. Bad Language: Contemporary Introductions to Philosophy of Language. Oxford : Oxford University Press, 2019. 222 p.
17. Cariani F. The Modal Future. A theory of future-directed thought and talk. Cambridge : Cambridge University Press, 2021. 280 p.
18. Chudy W. Filozofjåkłamstwa. Warszawa : Volumen, 2003. 564 s.
19. Grice P. Studies in the Way of Words. Cambridge, London : Harvard University Press, 1989. 394 p.
20. Horn L. R. Implicature // Handbook of Pragmatics. Horn L.R. & Ward G. (Ed.) Oxford : Blackwell Publishing, 2004. P. 3–28.
21. Levinson S. C. Pragmatics. Cambridge : Cambridge University Press, 1983. 420 pp.
22. Meibauer J. Lying at the Semantic-Pragmatic Interface. Boston / Berlin : Walter de Gruyter, Inc., 2014. 256 p.
23. Yablo S. Aboutness. Princeton : Princeton University Press, 2014. 221 p.
24. Yule G. Pragmatics. Oxford : Oxford University Press, 1996. 138 p.
6. Kolesnikova S. M. Gradual'nost': svyazi i otnosheniya v sisteme russkogo jazyka = Graduality: links and relations in the system of the Russian language. Moskva : FLINTA, 2018. 231 s.
7. Lenec A. V. Kommunikativnyj fenomen lzhi: lingvisticheskij i semioticheskij aspekty (na materiale nemeckogo jazyka) = Communicative phenomenon of lying: linguistic and semiotic aspects (on the material of the German language). Rostov-na-Donu, 2010. 39 s.
8. Lenec A. V. Pragmalingvisticheskaja teorija lzhi = Pragmatic-linguistic theory of lying // Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2013. №1(22). S. 86–90.
9. Lenec A. V. Lozh' v kommunikacii kak narushenie pragmaticheskikh pravil principa kooperacii = Lying in communication as a violation of the cooperation principle's pragmatic rules // Verhnevolszhskij filologicheskij vestnik. 2016. № 4. S. 105–108.
10. Makarov M. L. Osnovy teorii diskursa = Basic discourse theory. Moskva : Gnozis, 2003. 280 s.
11. Ser' Dzh. Priroda intencional'nyh sostojanij = The nature of intentional states / Filosofija, logika jazyk. Moskva : Progress, 1987. S. 96–126.
12. Selezneva L. V. Paradoks celostnosti PR-diskursa = The paradox of PR discourse integrity // Diskurs-Pi. 2016. № 3–4. S. 102–109.
13. Austin J. L. How to Talk? // Proceedings of the Aristotelian Society. New Series. Vol. 53. 1952–1953. P. 227–246.
14. Bach K. The Myth of Conventional Implicature // Linguistics and Philosophy. 1999. № 22. P. 327–366.
15. Barwise J., Perry J. Situations and Attitudes. Stanford : CSLI Publications, 1999. 376 p.
16. Cappelen H., Dever J. Bad Language: Contemporary Introductions to Philosophy of Language. Oxford : Oxford University Press, 2019. 222 p.
17. Cariani F. The Modal Future. A theory of future-directed thought and talk. Cambridge : Cambridge University Press, 2021. 280 p.
18. Chudy W. Filozofjåkłamstwa. Warszawa : Volumen, 2003. 564 s.
19. Grice P. Studies in the Way of Words. Cambridge, London : Harvard University Press, 1989. 394 p.
20. Horn L. R. Implicature // Handbook of Pragmatics. Horn L.R. & Ward G. (Ed.) Oxford : Blackwell Publishing, 2004. P. 3–28.
21. Levinson S. C. Pragmatics. Cambridge : Cambridge University Press, 1983. 420 pp.
22. Meibauer J. Lying at the Semantic-Pragmatic Interface. Boston / Berlin : Walter de Gruyter, Inc., 2014. 256 p.
23. Yablo S. Aboutness. Princeton : Princeton University Press, 2014. 221 p.
24. Yule G. Pragmatics. Oxford : Oxford University Press, 1996. 138 p.

Reference list

1. Glazkov A. V. Iz real'nosti v tekst i obratno: Oчерk pragmatiki narrativnogo teksta = From reality to text and back again: An essay on the pragmatics of narrative text. Moskva : De'Libri, 2018. 436 s.
2. Glazkov A. V. Piramida kogerentnosti = The pyramid of coherence // Vestnik Cherepoveckogo gos. un-ta. 2023. № 4 (115). S. 39–50.
3. Glazkova E. A. Pravdopodobie kak igra: analiz kejsa «Barnaul'skij metropoliten» = Verisimilitude as a game: case study of Barnaul Metro // Pravda – nepravda – prostpravda. Sbornik nauchnyh trudov proekta NOTONLY. NOTONLY 2018: Teorija i praktika gumanitarnyh issledovanij. Moskva, 2018. S. 59–98.
4. Grjaznova A. T. Jazykovye sredstva dostizhenija jefekta pravdopodobija v proze russkogo fjentezi = Linguistic means to achieve the effect of verisimilitude in the Russian fantasy prose // Pravda – nepravda – prostpravda. Sbornik nauchnyh trudov proekta NOTONLY. NOTONLY 2018: Teorija i praktika gumanitarnyh issledovanij. Moskva, 2018. S. 116–133.
5. El'kina D. S. Pravdopodobie kak universal'naja klasificirujushhaja kategorija = Verisimilitude as a universal classifying category // StudiaLinguistica (Sankt-Peterburg). 2019. № 28. S. 116–120.

Статья поступила в редакцию 05.10.2024; одобрена после рецензирования 21.10.2024; принята к публикации 14.11.2024.

The article was submitted on 05.10.2024; approved after reviewing 21.10.2024; accepted for publication on 14.11.2024